

Кирилл Ликов

Сказка о скоморохах

сказки русского березняка

Кирилл Ликов
Сказка о скоморохах
Серия «Сказки русского березняка»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70510717

SelfPub; 2024

Аннотация

Хорошо же на пиру у царя-батюшки-ампиратора, и покушать что есть, и девку за мягкое место ущипнуть можно и скоморохов послушать, а они затейники, ух какие затейники...

Кирилл Ликов

Сказка о скоморохах

Ой ты гой еси добрый молодец или мимо проходи красна девица. Идёт пир в княжьем тереме, гуляют все, отмечают праздник великий. Победу большую над ворогом. Хороша победа, яркая, такую и отметить можно. Все гуляют, от мала до велика, весь царский терем ходуном ходит. Воеводы пиво бочками лакают, купцы расстегаи с судаком жрут, послы иностранные на икру налегают, предпочитая красную и чёрную кабачковой. Холопы царские туда-сюда с блюдами мелькают, обратно с золотыми за услуги бегают. Сам царь-батюшка-ампиратор чинно сидит за столом, мину радостную делает, да ножом с вилочкой заморской в ногу свиной копченной ковыряет. Благодать. Где же герои подвиг сей совершившие? А они дальше воют, победа-то большая, но не окончательная.

Ой, гулял царский терем. Для услады телесной девок красных с низким социальным статусом нагнали. А чего? На пир жён не пускают. Мы ж не забугорье какое, мы ж традиции чтим, а баба она до сих пор считается не человеком и души не имеет, не говоря о правах. Тем более баба, которая жена. Вот и не пускали на пир жён, а мужику пьющему всегда хочется кого-то обнять, прижать к себе. Мужика то нельзя, енто законом запрещено. Целуются в губы при встрече? Так

это не поцелуи, это дружеское, так сказать, губопожатие. Понимать надо! Вот и пригнали баб меркантильных, ну, чтоб приглашённым гуляющим мужикам было не скучно.

Но гулять и баб лапать хорошо под музыку, не в тишине, где чавканье и рыгание слышно на весь терем. И для этого позвали скоморохов. Целых три штуки. А нечего этих лентяев звать много, жрут как не в себя. Именно так подумали в царской канцелярии. Пусть трое за всю дюжину играют, а мы за отсутствующих девятерых сами поедим. Играть то не мешки ворочать, можно и на голодный желудок, а вот управлять чтоб, нужно обязательно сытым быть.

Приказы не обсуждаются, кушать хочется, сказали скоморохам троим играть, они и играют. Один в барабан лупит, другой на балалайке струны рвёт, а Петрушка в дудку дует. Да усердно так дует, каши да щи с мясом окупая. А народ то под музыку не стоит, хмель в голову ударил, в пляс пустился. Ножкой лопочет, ручками разводит в разные стороны, хмельной мёд и брагу из кружек вокруг льет почем зря. Аж сам батюшка-царь-ампиратор за столом сидя, ножкой худосочной сучит в такт музыки. Девкам улыбаются, показывая удаль свою молодецкую. Ну, у кого она молодецкая. А у кого не молодецкая, то удаль старческую, тоже показывают. Убеждают, так сказать, этим самым аморальных чаровниц, что ночь с ними будет запоминающаяся.

Скоморохи между пляшущими снуют, музыку играют, кульбиты разные делают, чтоб не только слух власть держа-

щих усладить, но и взоры их, дабы удовлетворились. Вот скоморох с барабаном на попу повалился, но играть не перестаёт, так сидя на жопе и играет, а сам при том по полу скачками двигается. Народ дивиться, чем же он при прыжке отталкивается. Второй скоморох, с балалайкой который, со столом в чехарду играет, через него прыгает, но играть не перестаёт.

Петрушка тоже решил что-нибудь сделать, не отстать же от своих собратьев и крутанул сальто назад. Да вот беда, не учёл он того, что диспозиция на пиру меняется каждую секунду, и там где не было никого доселе может в следующий миг очутиться кто-то слишком пьяный. Ну и как приземлиться наш Петрушка на ногу воеводе. Да ладно на саму ногу, но надо же было попасть именно на любимую его мозоль.

– Аааай! – заорал воевода, – ты чего ж творишь окаянный! Ты же мне! Воеводе! На мозоль наступил!

– Прошу простить меня батюшка воевода! – пал в ножки Петрушка. – Не досмотрел я! Думал, мимо пролечу! Не вели батюшка воевода казнить, вели помиловать!

– Помиловать?! – расширились глаза у воеводы. – Да ты знаешь, пёс смердящий, что ты закон нарушил?!

– Какой такой закон? – шёпотом спросил, испугавшись, скоморох.

– Закон о запрете скабрёзных историй в отношении нашего воинства!

– Так я ж не нарушал! Где воинство, а где я? Я ж ни слова, ни пол словечка! – распластался на полу шут.

– А тут слов твоих поганых и не нужно, ты ж мне на ногу наступил? Мозоль в общем сознании обозначил? А это значит, опорочил мою честь. А я кто? Воевода, глава воинства, и значит, в моём лице ты опорочил честь всего воинства! А знаешь, что за это бывает?

– Что? – еле слышным шёпотом спросил поникший фигляр.

– Забирают то, чем ты это оскорбление нанес!

– Ноги? – в ужасе процедил Петрушка.

– Сдурел? Нужны мне твои ноги. Дужку свою давай.

Протянул скоморох свою свирель, забрал её воевода и сломал об коленку. А Петрушке нужно дальше играть. Схватил он ключ от замка амбарного и давай в него свистеть. Хуже чем в свирель получается, но надо же, как то выкручиваться.

Тем временем вошёл в раж барабанщик Тимошка. Лупит в свой барабан, радуется, что ему никуда прыгать не надо, стой себе и колоти по своему инструменту. Но на пиру никогда не считаешь, что через миг выйдет. Напились бояре, один другого толкнул, тот в барабанщика влетел, а он в это время руку с палочкой отвёл, да и в глаз вельможе зарядил.

– Ай ты, пёс шелудивый! Ты чего же учудил такого! – держась за подбитый глаз, заорал боярин.

– Не вели батюшка боярин казнить, вели слово молвить, не хотел я, вы сами на мою руку налетели, – бухнулся в ножки барабанщик.

– Я сам налетел?! – опешив, заорал муж государственный. – Ты в уме ли своём шут гороховый? Ты ж напраслину на меня наводишь! А я, между прочим, палач царский, а значит, в моём лице нал службой исполнения наказаний насмехаешься!

Ничего не говоря, пнул боярин барабан ногой так, что пробил тот, да оплеуху скомороху отвесил. А работать то нужно, оглянулся Тимошка, увидал ведро с тряпкой у двери стоящее. Тряпку выбросил, ведро перевернул и давай в него стучать, ритм поддерживать.

Идёт пир дальше, катится. Мужики государственные уже лыко плохо вяжут, плясать баб срамных тянут. Одна такая вышла с боярином поплясать, а у того все мысли, чтоб юбку с неё стащить. Он и так пытается, и так, не получается. И тут напарывается спиной на балалаечника Алешку. И ногой на юбку наступает. Юбка на пол, девка в крик.

– Ты поскуда что учудил! – орёт боярин. – Ты девку опозорил при всех! А значит и честь мою! А я никто иной, а глашатай царя-батюшки-ампиратора! А это уже не моя честь, а самого...

Алёшка стоит, трясется в ужасе, слово сказать боится. Вырвал глашатай из рук скомороха балалайку, да как шандарахнул ей о спину холопа. Тот на пол, инструмент в щепки, а боярин к девке, она без юбки теперь ему ещё интереснее стала.

Поднялся Алёшка. Что делать без балалайки? Сбегал в

сарай, нашёл там пилу и давай на ней играть.

Вот и играют скоморохи, кто в ключ дует, кто по ведру руками колотит, кто смычком по пиле водит. А пир идёт своим чередом. Нужно ж кашу и щи отрабатывать. А царь-батюшка-ампиратор чинно сидит за столом, мину радостную делает, ногой под столом в такт музыке сучит, да ножом с вилочкой заморской в ноге свиной копченной ковыряет. Благодарь. А почто у скоморохов их собственность изъяли? Так все по закону, нечего его нарушать было.